

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖЕРТВЕННОГО РИТУАЛА В ДИСКУРСЕ ЧЕЛОВЕКА МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

ANTHROPOLOGICAL DIMENSION OF SACRIFICIAL RITUAL IN DISCOURSE OF MAN OF MYTHOPOETIC EPOCH

M. Voronkina

Annotation

The point of issue of the paper is the discourse corresponded to the ritual of the Mythopoetic Epoch. The topicality of the research question conditioned by the importance of the study of the mythological mindset that does not lose edge nowadays. The work aims a full-scale reconstruction of the discourse represented in the texts of the ritual and mythological tradition. The research approach is in the special study of such texts in terms of communicative strategies in the pragmatic aspect.

Keywords: discourse, pragmatics, ritual, communication, sacrifice, the Mythopoetic Epoch.

Воронкина Маргарита Алексеевна

К.ф.н., доцент,

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи является дискурс, соотносимый с ритуалом мифопоэтической эпохи. Актуальность определяется важностью исследования мифопоэтического сознания, не утратившего значения и в наши дни. Целью работы является комплексная реконструкция дискурса, представленного в текстах ритуально-мифологических традиций. Подход к исследованию состоит в рассмотрении этих текстов с точки зрения коммуникативных стратегий в прагматическом аспекте.

Ключевые слова:

Дискурс, прагматика, ритуал, коммуникация, жертвоприношение, мифопоэтическая эпоха.

Мифопоэтическая эпоха – период расцвета культурной традиции, характеризующейся мифом как доминирующим типом познания действительности и ритуалом как основным источником этого познания. Начало эпохи хронологически близко появлению первых цивилизаций Древнего Востока. Нашедшее воплощение в ритуальном дискурсе мифологическое сознание связано с наиболее древним типом восприятия реальности и не только утратило своего значения в наши дни, но и заслуживает особого внимания ввиду нацеленности на него современных манипулятивных техник.

Источником наших знаний о предмете являются письменные памятники эпохи и отражённая в них речевая практика ритуала, позволяющая воссоздать не только мифопоэтическую картину мира, но и представления человека о своём месте в мире, о характере взаимоотношений с положенной во вне реальностью.

Представляется, что предметом внимания при обращении к ритуальному дискурсу должна быть не только отражённая в нём система представлений о действительности, но и сам характер ритуальной речевой деятельности, приписываемые ей традицией возможности,

её прагматика. Реконструкция таковых и составляет цель исследования.

Значительная роль в исследуемой практике отводилась человеком мифопоэтической эпохи слову как инструменту магического воздействия на действительность. Обращают на себя внимание заклинательные интенции вербальной деятельности ритуала. При этом адресатами такого рода воздействия нередко становятся, даже неодушевлённые, с точки зрения современного человека, объекты. В интеракции с ними заметны, однако, те же приёмы, что и в коммуникации с людьми [см. З, с. 361–376]. В ритуальных текстах распространено обращение к заклиняемому объектам во втором лице нередко в форме вокатива: о дерево, о яма, о топор и пр. Широко используются фатические элементы, назначение которых видят не только в попытке поддержать диалог, но и оказать влияние на адресата. Большинство заклинаний представлены в желательном или повелительном наклонении, что также свидетельствует об интенциях говорящего. Вообще, заклинательную, или магическую, функцию речи нередко рассматривают как разновидность призывно-побудительной [см., например, 10]. Разумеется, объектом заклинания становятся не только вещи, но и люди и даже боги и внешние природные силы.

Моделирование действительности при помощи слов – это особая магическая практика, что эксплицируется в соотносимых с исследуемым дискурсом текстах, например, в гимнах Ригведы.

Сравните гимн "Против соперников":

*Я пришёл как победитель
Со способностью всё творить*

(X, 166.4) [Цит. по 7].

Эта вербальная деятельность предполагает неконвенциональную трактовку языкового знака, представлению о слове как о части предмета. Магическая функция ритуальной речи свидетельствует о переживании уникальности объекта заклинания. Имя такового мыслится как уникальное, *poten prorgium*, а не как маркирующее принадлежность к классу предметов. Номинация предметов в ритуале задействует воссоздание их чувственного образа, что приравнивается их творению – основному сюжету действия, составляющему его прагматику. На это указывают и типичные для многих ритуально-мифологических традиций представления об акте творения с помощью слова и некоего ментально-аффективного усилия. Сравните сотворение мира при помощи слова в древнеегипетской мифологии Птахом, в древнеиндийской – Праджапати, в исламе – Аллахом посредством животворящего слова Кун 'буди', в евангелии от Иоанна – богом посредством слова Бог и мн. др.

Было бы, однако, сильным упрощением сводить ритуальный дискурс к заклинательному воздействию на объекты действительности. Как отмечалось, основной прагматикой ритуала являлась реактуализация космогонического акта, чего требовала ежегодно приходящая в упадок вселенная. При этом человек сознавал себя субъектом миротворения и поддержания вселенского универсума в гармонии.

При описании ритуала справедливо обращают внимание на его эвристическую направленность. Действительно, в ритуале формируется, верифицируется и обновляется картина мира. При этом основное внимание уделялось наиболее общим вопросам бытия. Интересом пользовались "наиболее глубокие и сакральные смыслы, имеющие отношение к высшим ценностям мира, прежде всего к его происхождению, составу и порядку его частей, к их связи с человеком" [5, с. 15].

Познание в ритуале чувственно насыщено, интуитивно и образно. Объекты действительности не только наделяются смыслами, но прежде всего переживаются [см. 2, с. 42–43]. При этом мир осваивается, а впоследствии и обозначается в ощущениях собственного "я". Пользуясь выражением В.Н. Топорова, "человеческие" структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий" [8, с. 161].

Признание изоморфизма объектов вещного мира познающему субъекту оказывается инвариантом ритуальной когниции во многих культурах, что находит отражение в целом классе текстов, посвящённых отождествлению частей тела человека с внешними объектами действительности: глаз – солнце, дыхание – ветер, волосы – растения, кровь – вода и пр. Действие того же принципа заметно и в повсеместно распространённой антропоморфизации объектов неживой природы в поэтическом дискурсе (ср. Уж небо осенью дышало... А.С. Пушкин), в соматических, или телесных, метафорах и таких привычных нам обозначениях, как, подножие горы, устье реки, лоно земли, горный хребет, и пр.

Результаты ритуальной когниции используются в ритуальной космогонии. Знание соответствий между частями тела и внешними (космическими) объектами – необходимое условие достижения основной цели ритуала – преодоления нарастающей энтропии. Здесь на первый план выходит упорядочение элементов мироздания для достижения контроля.

Центральное событие ритуала, его, пользуясь выражением В.Н. Топорова, "скрытый нерв" составляет исполненный глубокого символического смысла жертвенный акт. Жертвоприношение реактуализирует космогонию посредством упорядочения элементов универсума и символизирует преодоление хаоса. Успех магического действия достигается не только благодаря знанию соответствий между компонентами создаваемого универсума и частями изоморфной ему жертвы, но и установлением порядка этих элементов, ибо этот порядок воссоздаёт "грамматику" мира.

В ряде своих работ В.Н. Топоров проявляет интерес к фигуре некоего "грамматика", который в поздних ритуальных традициях нередко входил в число жрецов. Примечательно сходство между действиями "грамматика" и совершающего жертвоприношение жреца: "Оба они расчленяют, разъединяют первоначальное единство, идентифицируют разъединённые его части, то есть опережают их природу через установление системы отождествлений (в частности, с элементами макро- и микрокосмоса)..." [9, с. 21].

Ещё одно совпадение – общность задач: победа над хаосом на словесном и вещном уровнях. Устанавливая порядок элементов "грамматик" создаёт "...образ мира в слове явленный", подобно жрецу, который в ритуале строит (в частности с помощью слов) сам этот мир. И тот и другой контролируют этот мир, делая всё, чтобы, преодолев энтропические тенденции, сохранить смысл мира (и языка как образа мира), развить и усилить его" [9, с. 21].

Таким образом, космогония предполагает не только приведение разрозненных частей мироздания в поря-

док, но и произнесение соответствующих "упорядочивающих" их формул над жертвой, разумеется, с заклинательной интенцией. Сравните: "Твоя спина – небо, твоё местопребывание – земля, твоё дыхание – воздушное пространство, твой источник рождения – море, твой глаз – солнце, твоё ухо – луна, твои сочленения – месяцы и половины месяцев и т.д." (Тайттирия самхита V, 7, 25). Таким образом, объектом заклинания становится жертва как эквивалент вселенной.

Коммуникативная ситуация, прагматика речевого действия, как известно, диктует и форму вербального воплощения и даже паралингвистическое сопровождение, адекватные речевым интенциям, в данном случае воздействия на объект заклинаний. Неудивительно, что стиль ритуальных текстов суггестивен, они апеллируют не столько к сознанию, сколько к эмоциям, переживаниям [см. 4, с. 106–109]. Для них характерны частые повторы, для полной реализации замысла магического превращения широко используется полисемия, скрытые, подразумеваемые значения, аллюзии, "игра слов". Так, в Веде слово brahman (брахман) может использоваться в значениях: 'благословение', 'благочестивая жизнь', 'брахма, мировая душа, божественная субстанция', 'священное знание, Веда'. Gharma одновременно

обозначает и 'солнечный зной', и 'котелок на огне', и 'горячее молоко' для Ашвинов. Payas – 'коровье молоко', 'дождь', 'сок сомы'. Примечательно, что наибольшее количество значений имеют слова, "кодирующие ключевые понятия модели мира" [6, с. 33].

Итак, ритуал – уникальное явление, представлявшее место встречи ограниченного человеческими мерками онтологического бытийного измерения с безграничным феноменологическим измерением высших смыслов и ценностей. В нём происходило становление и развитие человека как части мироздания. Человек мифологической эпохи полагал себя субъектом космогонии, магически переносящим собственный микрокосм на вселенский универсум. Прагматикой действия полагалось установление порядка, приведение мира к гармонии. Применительно к целям ритуальной практики особый смысл приобретают слова Мартина Бубера: "Космос существует для человека лишь тогда, когда вселенная становится для него домом, со священным очагом, у которого он совершает жертвоприношения" [1, с. 61–62].

Сделанные наблюдения позволяют охарактеризовать мифопоэтический дискурс как особый вид дискурса, адекватный характеру и целями ритуальной практики эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер М. Я и Ты. / пер. с нем. Н. Файнгольда. М., Высшая школа, 1993. – 177 с.
2. Воронкина М.А. Когнитивные особенности отождествления в ритуале мифопоэтической эпохи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. №4. С. 39–44. DOI: 10.20916/1812–3228–2017–4–39–44.
3. Воронкина М.А. Коммуникативное взаимодействие в архаическом ритуале жертвоприношения (на языковом материале "Яджурведы") // Ритуал в языке и коммуникации. 2013. М.: Издательство РГГУ. С. 361–376.
4. Воронкина М.А. Речевые и коммуникативные аспекты ритуальной практики (на материале ведийских текстов). Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2013. – 145 с.
5. Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О ведийской загадке типа brahmodya // Паремнологические исследования. Сб. статей. М.: Наука. Гл. ред. вост. литературы, 1984. С. 14–46.
6. Елизаренкова Т.Я. Язык и стиль ведийских риши. М.: Наука: Восточная литература, 1993. – 315 с.
7. Ригведа. [В 3 т.] / Пер. Т.Я. Елизаренковой. (Серия "Литературные памятники"). М.: Наука, 1989–1999.
8. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. С.161–166.
9. Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М.: Наука, 1988. С. 7–60.
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против": Сборник статей. М., 1975. С. 193–230.

